

фрл XIV
216

ПАМЯТИ ПОГИБШИХЪ ЗА СВОБОДУ.

Въ настоящую минуту, когда въ таинственныхъ радио-лучахъ ко всему міру несется потрясающая вѣсть о воскресеніи Россіи изъ лика мертвыхъ народовъ,—мы, первые и счастливѣйшіе граждане свободной Россіи, мы должны благоговѣнно склонить колѣни передъ тѣми, кто боролся, страдалъ и умиралъ за нашу свободу.

Вѣчная память погибшимъ борцамъ за свободу. Ихъ много схоронено въ русской землѣ, и это они дали намъ такую легкую, свѣтлую и радостную побѣду. Однихъ мы знаемъ по имени, другихъ мы не знали и не узнаемъ никогда. Но это они, своей неустанной работой, своими смертями и кровью, подточили тронъ Романовыхъ. Высокій и надменный, стоялъ онъ грознымъ островомъ надъ моремъ народной крови и слезъ; и многіе слѣпцы вѣрили въ его мощь и древнюю силу, и боялись его, и не рѣшались подойти близко и коснуться, не зная того, что давно подмытъ онъ кровью въ самомъ основаніи своемъ и только ждетъ перваго прикосновенія, чтобы рухнуть.

О, человѣческая кровь—ѣдкая жидкость, и ни одна капля ея не можетъ пролиться даромъ. И ни одна слеза не пропадаетъ, ни одинъ вздохъ, ни одно тюремное проклятіе, приглушенное каменными стѣнами, перехваченное желѣзною рѣшеткою. Кто слышалъ это проклятіе узника? Никто! Такъ и умерло оно въ темницѣ, и самъ тюремщикъ повѣрилъ въ его смерть, а оно воскресло на улицѣ, зъ кликахъ возставшаго народа, въ огнѣ горящихъ тюремъ, въ дрожи и трепетѣ обезсилѣвшихъ, жалко ослабѣвшихъ тирановъ.

Ничего не пропадаетъ, что создано духомъ. Не могутъ пропасть человѣческая кровь и человѣческія слезы... Когда одинокая мать плакала надъ могилой казненнаго сына, когда другая несчастная русская мать покорно сходила съ ума надъ трупомъ мальчика, убитаго на улицѣ треповской пулей, она была одинока, безутѣшна и какъ бы всѣми покинута. Кто думалъ объ одинокомъ горѣ ея? А того не знала она, и многіе изъ насъ не знали, что одинокія и страшныя слезы ея точатъ-точатъ-точатъ романовскій кровавый тронъ.

Чьи-то скромныя «нелегальныя» руки трудолюбиво и неумѣло набирали прокламацію; потомъ эти руки исчезли—въ каторжной тюрьмѣ или смерти, и никто не знаетъ и не помнитъ о нихъ. А эти скромныя руки—точили-точили тронъ Романовыхъ.

Кого-то вѣшали со всѣмъ торжествомъ ихъ подлаго и лживаго правосудія. Трещали барабаны. Жандармы задами лошадей управляли народомъ. И безмолвствовалъ народъ. И онъ, одинокій въ саванѣ своемъ и какъ бы всѣми покинутый, отдавалъ смерти свою молодую и прекрасную жизнь. Одинокій, засунутый въ мракъ балахона, слышавшій только трескъ царскихъ барабановъ, смущаемый безмолвіемъ народа—зналъ ли онъ, что

его смерть точить-точить тронъ Романовыхъ и будетъ точить, пока не рухнетъ онъ...

А тотъ, кого казнили въ темнотѣ, тайкомъ за тюремной оградой или въ пожарномъ сараѣ Хамовнической части. Пьяный, развращенный, купленный палачъ; безчувственные рожи судейскихъ, чей-то глумливый смѣхъ или стыдливый безсильный вздохъ,—что видѣлъ онъ иного въ эту минуту послѣдняго одиночества и ужаса?! Какъ былъ онъ одинокъ, покинутъ людьми, оставленъ Россіей. Или, презрѣвъ сущее, видѣлъ онъ своими потухающими глазами ту дальнюю, ту сострадательную и благодарную великую Россію, что въ мигъ его смерти сразу поднялась къ небу и выросла на одну ступень. Видѣлъ ли онъ, какъ въ мигъ его смерти качнулся подточенный тронъ Романовыхъ?

Безвѣстные кронштадтскіе и свеаборгскіе матросы, которыхъ разстрѣливали десятками и въ мѣшкахъ бросали въ море. Одинъ трупъ въ мѣшкѣ прибило къ берегу, къ саду царской дачи—и такъ нѣкоторое время были они противъ и рядомъ: царскій дворецъ и распухшій казненный матросъ въ мѣшкѣ. И кто можетъ сказать, насколько въ эти часы или минуты подъ мертвымъ взглядомъ казненнаго былъ подточенъ тронъ Романовыхъ?

Прѣсенскіе рабочіе, которыхъ толпами прирѣзывали и пристрѣливали на льду Москвы-рѣки въ мрачные декабрьскіе дни; рабочіе, женщины и дѣти петербургскаго 9 января, голутвинскіе телеграфисты и просто неизвѣстные, которыхъ на кладбищѣ и у стѣнъ похода разстрѣливали Рима и Минъ. Толпы латышей, надъ которыми, не спрашивая объ имени, расправлялись карательные отряды подъ командою нѣмецкихъ бароновъ. Студенты и просто неизвѣстные, которыхъ терзала на улицахъ Москвы черная сотня, сдирая мясо до костей, сжигая заживо, топя въ рѣкѣ, какъ собакъ.

О, сколько ихъ! Сколько ихъ! Сколько безвѣстныхъ могилъ, сколько труповъ, сколько страданій оставить позади себя Николай Романовъ!

И нынѣшніе великіе дни по праву принадлежатъ имъ. Это они дали нынѣшнимъ счастливую возможность мощнымъ движеніемъ народнаго плеча свалить подточенный и кровью подмытый тронъ. Это они дали намъ ту радость освобожденія, для которой нѣтъ словъ и выраженія. Это они воздвигли красный флагъ на Петропавловской крѣпости, гдѣ такъ долго ихъ казнили, и имъ принадлежатъ нынѣ великолѣпныя улицы Петрограда, по которымъ такъ радостно движутся толпы свободаго народа. Это они своей кровью сломили казарменную дисциплину, подъ гнетомъ которой, какъ въ тюрьмѣ, томилась душа русскаго солдата,—и они воздвигли братскую нерушимую связь между нами и нашей великой арміей.

Вѣчная память погибшимъ борцамъ за свободу!

Леонидъ Андреевъ.